

Цикл
Алексея Гришина
ВТОРАЯ ДОРОГА

Выбор офицера
Путь офицера
Решение офицера

Алексей Гришин

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Г85

Серия «Попаданец»
Выпуск 89

Иллюстрация на обложке *Ивана Хивренко*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Гришин, Алексей
Г85 Вторая дорога: Решение офицера: роман / Алексей
Гришин. — Москва: Издательство АСТ; Издатель-
ский дом «Ленинград», 2020. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-122526-1

Продолжение истории ветерана российской контрразведки, волею случая ставшего бароном в магическом мире. Мечтал прожить вторую жизнь спокойно? Но офицер — не звание, а судьба. И пусть интриги властителей лишили дворянства, сделали простым полицейским, обязанности защищать с тебя никто не снимал. Так что распутывай преступления, если надо — совершай подвиги, получай чины и награды.

Но всегда помни — у Судьбы своя логика. Ей безразлично, что ты пережил и как высоко взлетел, лишь она знает, когда предъявить счет.

Готов ли ты платить? Принимай решение, офицер.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-122526-1

© Алексей Гришин, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Есть решения, которые отрезают
путь назад. Их непременно надо при-
нимать.

Франц Кафка

Вступление

Из чего возникают сны?

Из мечты? Тогда нам видятся покоренными самые высокие вершины, к подножию которых мы только подошли, нас любят самые красивые женщины, с которыми мы даже не набрались смелости познакомиться.

Из прошлых утрат? И мы запросто болтаем с давно ушедшими друзьями, лишь тихо удивляясь, как им удалось вернуться в наш, такой прозаический, мир. Мы делимся с ними сомнениями, рассказываем сокровенные тайны. Почему? Может быть потому, что где-то там, глубоко внутри себя, видим в них камертон, по которому неосознанно сверяем правильность своих дел, верность принятых решений? Они не были безупречны, но во сне что-то происходит с нашей памятью, давая друзьям несомненное, безусловное право судить.

В эту ночь Жану снился его учитель. Опер, которому когда-то поручили сделать из выпускника минских курсов сотрудника, от которого можно требовать хоть каких-нибудь результатов.

Солнечным днем они сидели на крыльце старого дома посреди Зеленого квартала. Учитель — в невозможном здесь сером шерстяном костюме, белоснежной рубашке и сиреневом шелковом галстуке, в которых когда-то ходил на службе. Жан — в легкой кожаной куртке, кроссовках и джинсах. Вокруг слонялись мест-

ные оборванцы, но никто не обращал внимания на необычно одетых и говорящих по-русски собеседников.

— Ты же умер!

— Конечно, ты же был на похоронах.

— Тогда как оказался здесь?

— Все просто: ты звал — я пришел.

— Я никогда этого не говорил.

— Верно. Но разве нам всегда были нужны слова?

Или с тех времен что-то изменилось?

— Нет... Да... Не знаю... В конце концов, с тех пор я сам успел умереть!

— Правда? А мне кажется, ты вполне себе жив, даже сын у тебя появился.

— Да. Здесь, но не там. А так ты прав, повезло. Счастливая случайность с вероятностью бесконечно малой. Я вообще счастливчик, ты же знаешь.

— Не думаю. Мне кажется — наоборот, в твоей жизни все было закономерно. Ты не мог не родиться, потому что твои родители любили друг друга. Ты пошел в ту школу, потому что жил в том районе. В этой школе работал учитель физики, который увлек не одного тебя, поэтому ты выбрал тот институт. Ну а уж в нашу контору случайно вообще никто не попадал, тебе ли не знать.

— Но жена — ее-то я встретил случайно?

— На комсомольском выезде в дом отдыха? — Учитель добродушно усмехнулся. — Там было много девочек, но ты увидел только ее — разве это случайность?

— Хочешь сказать, что я шел по жизни, как слепой за поводырем?

— Вовсе нет. Сам знаешь, сколько наших друзей ушли в сторону. Легкие заработки, легкие женщины, легкая выпивка. Нам лишь предложили путь, а уж идти

ли по нему — каждый решал сам. Я к чему... Если посмотреть так — согласен, что в твоей жизни не было случайностей?

— Ну, если так, то, наверное, да, согласен.

— Тогда вспомни — если в ряду закономерностей происходит что-то необычное, о чем это говорит?

— О том, что случайность — непознанная закономерность. Есть некий неучтенный фактор, который надо найти.

— Вот и ищи его. Хотя, боюсь, в свое время он сам тебя найдет. И тогда придется понять, зачем тебя поставили на эту вторую дорогу. А пока... пока ты неплохо поработал в этом городе.

— Надеюсь. Но почему моя работа несет смерть?

— Ты никого не убил. Во всяком случае, не в бою. Кроме одного, но тот сам напал на тебя.

— Да. Только погибшим от этого не легче. Почка, Шантерель, Мэтью Серый. Маршанд, сына которого убили в драке, вдова сошла с ума. Робер — он был сволочью, но не заслуживал, чтобы его зарезали в подворотне как барана. Я вытащил из грязи девчонок, но даже боюсь подумать, в какое дерьмо еще их окунет жизнь.

— Они все не были ангелами. И умерли не от твоей руки, ты даже не хотел этих смертей. Проблема не в этом. Боишься сказать?

— Наверное, — Жан пожал плечами. — Да, пожалуй, ты прав — я действительно боюсь. Новой работы.

— Уверен, что именно боишься?

— Сам посуди, придется ловить крестьян, которые стали грабителями лишь потому, что не нашли другого способа прокормить свои семьи. Однако никому не

будет дела до этого — приговор будет один. Семьи умрут от голода сами.

— Крестьян? Если действительно думаешь так, то я был плохим учителем. Ты умудрился не увидеть очевидного. Мне жаль, прощай. — Учитель встал и уверенным шагом пошел по грязной улице.

— Андреич, подожди! Что? Чего я не увидел? — Жан попытался вскочить, догнать, расспросить... Но ноги не послушались.

Учитель остановился, обернулся, посмотрел долгим пронзительным взглядом, потом вновь пошел прочь.

— Андреич!!!

Жан проснулся от собственного крика. Успокаиваясь, огляделся, стал собираться с мыслями, постепенно возвращаясь к действительности... В этот момент на главной башне собора Нотр-Дам д'Амьен ударил колокол. В Галлии начинался новый день.

Монпелье

Его преосвященство, верховный пастырь Окситании герцог Руади писал письмо в Париж. Получатель — глава реформистской церкви Галлии, могущественный человек, контролирующий четверть страны. Простолоудин, когда-то монах в забытом Богом и людьми мелком монастыре. Своим трудолюбием, верой и талантом убеждать народ, вести его за собой он выбился из низов церковной иерархии, стал аббатом ортодоксов. Лишь тогда осенила его благодать истинного учения, после чего приобщился бывший аббат к идеям реформистов, в церкви которых неожиданно быстро сделал головокружительную карьеру.

Теперь в руках этого человека сосредоточена огромная власть, а главной обязанностью монсеньора Руади является эту власть всячески преумножать, вселяя в головы галлийцев простую истину о том, что нет в мире иной истины, кроме той, что открывается последователям новой церкви.

А то, что герцог служит простолюдину... ну так говорил же Спаситель, что мирские титулы есть тлен и обман, ибо лишь церковь вправе выделять пастыря из овец.

Был, правда, еще один нюанс, о котором знало лишь несколько человек, высших иерархов нового служения. Маленький такой, но за знание о нем правитель Галлии, не задумываясь, пожертвовал бы своей рукой. Только кому нужна та рука? Нет уж, лучше об этом молчать — и король целее будет, и осведомленные люди богаче — всем хорошо!

А нюанс заключался в том, что много лет назад блестящий юноша, потомок одного из знатнейших семейств Кастилии, согласился назваться именем галлийского крестьянина и принять постриг в том самом захудалом монастыре. Потому и не чувствовал себя герцог ущемленным, отчитываясь перед своим духовным наставником, якобы выходцем из подлого сословия.

Перед тем юношей была поставлена достойная задача — пробиться наверх и сделать все возможное для отделения церкви от галлийского престола.

И с тех пор он упорно шел к поставленной цели, удивляя учителей умом и ревностным служением. Рьяно, не жалея сил, не считаясь с трудностями. До того момента, пока Кастилия и Островная империя не осознали, что, несмотря на различия в вере, главный про-

тивник у них один — поднимающая голову Галлия, которая все уверенней заявляла о себе как о центральной державе Европы. А осознав, разработали план изменения ситуации, уделив особое внимание укреплению реформистской церкви как важнейшему элементу разрушения конкурента. А теологические споры... да ладно, кого они волнуют, когда на кону такие ставки.

Обо всем этом монсеньор Руади прекрасно знал, и такой расклад его прекрасно устраивал, позволив уже откусить немалый кусок от галлийского пирога и даря реальную надежду на дальнейшую сытую перспективу.

Потому и отчет сейчас требовалось составить тщательно, не упуская мелочей, описывая перспективы усиления реформизма в старой и доброй Окситании. Соответственно, в это время беспокоить его запрещалось под страхом пасторского неудовольствия. За исключением, естественно, ситуаций чрезвычайных. К ним, разумеется, относилась и та, что заставила секретаря войти в кабинет. Доклад был краток.

— Ваше преосвященство, к вам молодая дама, представилась герцогиней де ла Гер.

Есть! Тончайшая, блестящая игра, что началась пять лет назад, вошла в завершающую стадию! Сколько положено трудов, сколько пролито крови, сколько принесено жертв... Если бы эта девочка, что сжимает в приемной кулачки, сверкает глазами и желает вот прямо здесь, прямо сейчас добиться высшей справедливости, если бы она только могла представить, что этот день был отмерен, просчитан и указан так давно. Пусть не конкретно сегодня — что значит плюс-минус несколько дней? Даже месяцев? Ей-богу, не важно.

Что же, игра вошла в решающую стадию, карты противника известны, дело за малым — красиво и грамотно разыграть концовку.

— Приглашайте!

И сразу, как только Лилиан вошла в кабинет...

— Герцогиня, как я рад вас видеть! — с широкой, искренней улыбкой умудренного годами человека герцог Руади встал из-за стола и семенящей походкой поспешил к гостье. Главное — не дать ей броситься в атаку, произнести обвинения, отмываться от которых придется долго.

— Вижу, вы получили мое письмо. Поверьте, оно было написано в минуту отчаянья, но теперь все будет хорошо — вдвоем мы решим все проблемы, сметем все преграды! Господи, как же вы повзрослели!

Голос хозяина кабинета обволакивал и успокаивал, словно говорил кто-то самый близкий, от которого немислимо ждать даже не подлости — просто недоброго отношения. Чтобы он приказал убивать детей? Да никогда, именно он, этот добрый мудрец, на это не способен по самой сути своей!

А собеседник говорил, говорил... Не убеждал, не спорил, просто рассказывал. О ситуации в Окситании, лживом тулузском графе, окружившем себя продажными советниками. И, разумеется, о семействе де Безье, о гнусном мерзавце — старшем сыне, с которым Лилиан, к несчастью, пришлось столкнуться, и не раз. Ложь? Боже избави! Свидетелей полно, можно сказать — все баронство. Да вот вы и сами съездите в ближайший женский монастырь, спросите у сестры Джиннайн. Это мать того несчастного мальчика. По остальным же его художествам, да только пожелайте, к вам очередь сви-

детелей выстроится... И не по моему приказу, просто людям часто надо, чтобы кто-то выслушал их горе.

А разве бывает, чтобы такие звери у добрых людей вырастали? И верховный пастырь реформистской церкви в Монпелье, его преосвященство Руади продолжил рассказ.

Это еще не была вербовка. Да какая может быть вербовка... кого? Герцогини де ла Гер? Кем? Священником? Боже упаси. Просто привлечение юной высокогородной магини даже и не к сотрудничеству, простому взаимодействию, определению общих интересов и целей.

С другой стороны — какая разница? Иное название, но в нем ли дело? Не сейчас, позже, может быть много позже, но эта девушка будет делать то, что нужно новой, действительно истинной церкви. А названия — оставим их теоретикам. Нам без надобности, нам суть важна.

ГЛАВА I

- Что может быть лучше хорошей погоды?
- Плохая погода, мой друг.

И. Морозов

Сержант Тома вел группу по зимнему лесу. Мелкий нескончаемый дождь, от которого давно уже не спасали насквозь промокшие плащи, промокший заплечный мешок с промокшим провиантом. По-зимнему стылый сырой воздух, пропитанный запахом прелой листвы, дурманил голову. Висящие на перевязи тесаки и колчаны, которые за время пути, казалось, утроили свой

вес,гнули к земле уставшие плечи. В руках луки, точнее — длинные палки, которые, упаси Господи, нельзя использовать вместо посоха. Командир за этим следит особо — если у кого обнаружит затиры от земли, загоняет так, что демоны прослезятся.

— Лук — ваше главное оружие, ваша защита и спасение в лесу! — так он говорил в начале обучения. Тогда это казалось новым, увлекательным делом — им сказали, что будут учить самой интересной из охот — охоте на людей!

Три месяца назад полицейский сержант Ажан вывел свой взвод из города на учения. К этому солдаты были привычны — пройти по лесу пару-тройку десятков километров для разведчиков труда не составляло. Но в тот раз все было не так.

Во-первых, Ажан ехал на телеге, в которой лежал какой-то груз, прикрытый мешковиной. А, во-вторых, рядом с ним сидела — ...Прекрасная Марта! Та самая трактирщица, что держала в городе несколько таверн, в одной из которых Тома любил проводить редкие свободные вечера. Увидеть ее в расположении разведчиков — такое невозможно было представить в самых сказочных снах.

Но это было! Телега ехала к городским воротам, и обалдевший взвод топал за ней. За городом свернули на тропу, что вела к стрельбищу — большой поляне у подножия высокого холма.

Марта вышла перед кое-как построившимся взводом, уперла руки в бока, бросила насмешливый взгляд и обратилась к солдатам неожиданно громким голосом:

— Ну что, орлы, считаете себя великими бойцами? Похвально! Тогда шаг вперед, кто может поразить три